

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Право, наука, образование: традиции и перспективы

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции, посвященной
85-летию Саратовской государственной юридической академии
(в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.)

Саратов
2016

дование попыткой оказать давление на судью с целью повлиять на выносимые им решения⁸. Однако законодательство не содержит критериев определения обусловленности уголовного преследования профессиональной деятельностью судьи, при этом ККС субъектов РФ руководствуются Письмом о критериях ВККС РФ от 21.07.2010 N ВКК-ИП 389/10. Отказы в согласии на возбуждение уголовных вследствие этого объясняются иными причинами, не предусмотренными законом (например, отсутствием события преступления, непричастностью, по мнению ККС, судьи к совершению преступления, истечением сроков давности уголовного преступления, вследствие акта об амнистии и пр.). Примерно в 80% случаев они отменяются в судебном порядке, однако это происходит спустя значительное время (от двух месяцев до полугода) – это упущенное время для возбуждения уголовного дела, за время которого причастные к совершению преступления лица имеют возможность уничтожить доказательства своей причастности, что опять-таки затрудняет защиту потерпевшего.

е) В-шестых, даже если согласие на возбуждение уголовного дела следственными органами получено, это еще не значит его незамедлительного возбуждения, поскольку вынесенное ККС либо судом решение должно приобрести правовую определенность, что происходит лишь по прохождении многоступенчатой процедуры обжалования. Этот механизм позволяет затянуть возбуждение уголовного дела на срок вплоть до нескольких лет, и 95% судей этим механизмом умело пользуются, обжалуя вынесенные против себя решения всеми возможными способами.

В итоге около 50% возбужденных против судей уголовных дел прекращаются на стадии предварительного следствия или в суде за истечением сроков давности уголовного преследования, а интересы потерпевших при этом оказываются незащищенными.

3. Особенности привлечения к УО на судебных стадиях

После преодоления всех препятствий, установленных гарантиями неприкосновенности, уголовное преследование судьи осуществляется в обычном порядке. Поскольку судьи отвечают стандартным критериям «ранее не судим», «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит, по месту жительства и прежней работы характеризуется исключительно положительно» и т.п., на практике более 80% из них получают условное наказание, освобождается от него за давностью или по амнистии. Судья при этом рассматривается как рядовой гражданин, без учета его особого конституционного статуса – но это не просто обладатель дополнительных прав и гарантий, это, прежде всего, носитель дополнительных обязанностей и ответственности – перед государством, его этой властью наделившим, и перед обществом, позволившим эту власть реализовать на себе. Такое завершение дела с точки зрения правосудия считается справедливым, а вот общество его справедливым не считает.

4. Выводы и предложения

На практике усложненность процедуры привлечения судьи к уголовной ответственности нарушает права потерпевшего, принцип равенства всех перед законом и судом, принцип неотвратимости наказания. Это является основанием для пересмотра отмеченных выше законоположений в целях соблюдения прав личности потерпевшего в уголовном процессе.

¹ До внесения изменений Федеральным законом от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ этим правом обладал Генеральный прокурор РФ.

² Ст. 15 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей от 22 марта 2007 г.

³ См. Решение ВС РФ от 17 августа 2015 г. N АКПИ15-769

⁴ См. п. 4 Постановление КС РФ от 7 марта 1996 г. N 6-П, п. 2.2 Определения КС РФ от 29 мая 2012 г. N 1033-О

⁵ Например, в одном из дел суд отверг предоставленные органами предварительного следствия доказательства, полученные без соблюдения установленного порядка (Кассационное определение ВС РФ от 16 ноября 2010 г. N КАС10-587)

⁶ См. Решение ВС РФ от 17 января 2011г. N ГКПИ10-1300

⁷ Решение ВС РФ от 10 ноября 2009 г. N ГКПИ09-1382, Определение ВС РФ от 7 апреля 2010 г. N 4-Г10-8, Определение ВС РФ от 2 февраля 2005 г. N 56-Г04-32 и пр.

⁸ См. Постановление КС РФ от 7 марта 1996г. N 6-П; Определение КС РФ от 16 декабря 2004г. N 394-О; Определение ВС РФ от 31 марта 2010г. N 16-Г10-4 и пр.

С. Б. Россинский,

д.ю.н., доцент

(Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)

ЦЕЛИ И ОСНОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вопросы теории, нормативного регулирования и практики задержания подозреваемого традиционно привлекали внимание отечественных ученых; в последнее время эти проблемы получили новый импульс для своего развития в связи с признанием в РФ приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и имплантацией в национальную систему уголовно-процессуального права ряда позиций Европейского Суда по правам человека. В этой связи представляется весьма странным достаточно слабый научный интерес к основаниям для задержания, то есть именно тем юридическим фактам, наличие которых и позволяет органам дознания и предварительного следствия ограничивать право человека на свободу и личную неприкосновенность посредством его помещения в ИВС. Ученые традиционно либо вообще не поднимали этих проблем, ограничиваясь лишь констатацией соответствующей правовой нормы¹, либо раскрывали основания для задержания через их доктринальное толкование². При этом данный вопрос практически не рассмотрен с методологических позиций. А между тем при такой его постановке становится очевидной весьма серьезная научная проблема, ставящая под сомнение и само содержание ст. 91 УПК РФ, и правомерность соответствующей следственной практики.

Итак, современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре основания для задержания подозреваемого³, каждое из которых должно предполагать юридический факт, обуславливающий необходимость ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. Но так ли это на самом деле?

Для ответа на данный следует прежде всего определить с целями задержания подозреваемого, которые достаточно подробно проанализированы в специальной литературе⁴. Представляется, что основной целью задержания подозреваемого является обеспечение нахождения лица в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопросов о возможности применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения, в первую очередь, заключения под стражу⁵. В качестве дополнительных, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т.д.), а также продолжению иной преступной деятельности. Кстати подобные позиции в свое время находили отражение в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи, а в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г. и отчасти в ст. 1 ранее действовавшего – Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления⁶.

В подобном контексте цели задержания подозреваемого становятся весьма близки (может быть, даже тождественны) целям мер процессуального пресечения. И в этом нет ничего удивительного. Ведь задержание подозреваемого фактически представляет собой упрощенный и краткосрочный вариант наиболее строгой меры уголовно-процессуального пресечения – заключения под стражу; обе эти меры принуждения сопряжены с временной изоляцией лица от общества. Основное преимущество задержания – его оперативность, возможность в кратчайшие сроки обеспечить достижение вышеназванных целей без необходимости проведения сложной процедуры получения судебного решения. В этой связи И. М. Гуткин был совершенно прав, отмечая, что потребность в задержании возникает в случае необходимости заключения лица под стражу, когда немедленное применения этой меры пресечения по тем или иным причинам невозможно.⁷

Тоджество, по крайней мере сходство, целей задержания подозреваемого и предусмотренных гл. 13 УПК РФ мер уголовно-процессуального пресечения методологически должно обуславливать и единые основания для их применения, вытекающие из данных целей. Однако законодатель решает этот вопрос несколько иначе. Прямая взаимосвязь целей и соответствующих оснований предусмотрена лишь в части правовой регламентации мер пресечения (ст. 97 УПК РФ); для задержания подозреваемого установлены совершенно иные основания (ст. 91 УПК РФ), которые никоим образом не согласуются с его целями. А это, в свою очередь, приводит к существенным ошибкам, возникающим в следственной практике и негативно сказывается на правах и свободах конкретных лиц. Сотрудники органов предварительного расследования, зачастую, прекрасно понимая бесперспективность дальнейшего ареста подозреваемых, принимают решения об их задержании исключительно по формальным основаниям, установленным ст. 91 УПК РФ. Кстати в части задержания даже не предусмотрена правовая норма, предполагающая необходимость изучения всех нюансов личности подозреваемого и других обстоятельств, влияющих на указанное решение (по аналогии со ст. 99 УПК РФ). Поэтому действующий уголовно-процессуальный закон, и основанная на нем следственная практика не только приводят к ограничению конституционного права подозреваемых на свободу и личную неприкосновенность, но и фактически лишают их возможности обжалования таких решений. Кстати о полной бесперспективности практики обжалования задержаний лиц по подозрению в совершении преступлений заявляют и многие практические работники, в первую очередь, адвокаты.

А причина всего этого вполне очевидна: допуская указанную выше методологическую ошибку, законодатель игнорирует цели задержания подозреваемого и в ст. 91 УПК РФ фактически регламентирует не основания для применения данной меры принуждения, а основания совершенно иного рода – для подозрения лица в совершении преступления⁶. Например, к какому выводу должен прийти следователь, застигнув лицо на месте или обнаружив при нем (в его одежде, жилище и т.д.) явные следы преступления? О том, что это лицо может скрыться или будет продолжать преступную деятельность? Или, все-таки, о том, что данное лицо каким-то образом причастно к совершенному деянию? Ответ на данный вопрос вполне очевиден.

Более того, анализ уголовно-процессуального закона вообще позволяет констатировать большую правовую неопределенность с основаниями для задержания подозреваемого и основаниями для подозрения лица в совершении преступления. Создается впечатление, что разработчики УПК РФ сами запутались в этих правовых категориях. Так в ч. 2 ст. 91 УПК РФ фактически говорится, что при наличии специальных правовых условий орган дознания, дознаватель или следователь вправе задержать лицо лишь на основании подозрения в совершении преступления. В п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ определено, что задержанный подлежит освобождению в случае не подтверждения подозрения в совершении преступления и т.д. Кстати такая же неопределенность прослеживается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного практике заключения под стражу, залога и домашнего ареста⁹.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости изменения законодательных подходов к основаниям для задержания подозреваемого. Очевидно, что ввиду близости его целей с целями мер уголовно-процессуального пресечения, основания для задержания должны быть сформулированы с учетом правовой преемственности к ст. 97 УПК РФ. Иными словами, подозреваемый может быть задержан лишь при наличии достаточных оснований полагать, что он скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу; создаст препятствия для исполнения приговора или своей экстрадиции. Представляется, что именно такие законодательные подходы к основаниям для задержания позволят реально подчинить

эту меру принуждения назначению уголовного судопроизводства и максимально обеспечить защиту прав и законных интересов подозреваемого.

¹ Например: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. – М.: Наука, 1970. – С. 32; *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999. – С. 51–52; *Зайцев О. А., Смирнов П. А.* Подозреваемый в уголовном процессе. – М.: Экзамен, 2005. – С. 140 и т.д.

² Например: *Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я.* Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. – Алма-Ата: Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961. – С. 32–33; *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чуешев А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – С. 41–49; *Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А.* Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. – Калининград: КЮИ МВД России, 2006. – С. 81–85 и т.д.

³ Мы не считаем необходимым дословно перечислять предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания подозреваемого, предполагая, что каждый специалист прекрасно осведомлен о содержании данной правовой нормы.

⁴ *Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я.* Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе ... С. 30; *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1975. – С. 140; *Зайцева Л. Л., Пурс А. Г.* Задержание в уголовном процессе республики Беларусь. – Минск: Харвест, 2011. – С. 26; *Корнуков В. М.* Задержание // В кн. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. А. Лазаревой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. – С. 199 и т.д.

⁵ Подобную позицию мы уже высказывали в более ранних работах. См.: *Росинский С. Б.* Уголовный процесс: учебник. – М.: Эксмо, 2009. – С. 247.

⁶ Указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

⁷ *Гуткин И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: учеб. пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – С. 8

⁸ Причем подобная ситуация, безусловно, является следствием отсутствия законодательной определенности к категории «подозрение в совершении преступления». В силу ограниченного объема настоящей статьи мы не можем позволить себе углубиться в рассмотрение данных вопросов. Однако при этом необходимо констатировать явные пробелы, связанные с нормативной регламентацией подозрения в совершении преступления, влекущие за собой неоднозначное понимание статуса подозреваемого.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

В. В. Рудич,
к.ю.н., доцент

(Уральский институт экономики, управления и права)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ

Руководство российского государства неоднократно заявляло о недопустимости любых попыток использования уголовного преследования, включая меры пресечения, для давления на бизнес. На данное обстоятельство обратил внимание в своем послании от 3 декабря 2015 г. к Федеральному собранию Российской Федерации Президент России В. В. Путин, который подчеркнул, что в ходе следствия по экономическим составам помещения под стражу нужно использовать как крайнюю меру, а применять залог, подписку о невыезде, домашний арест¹.

Наибольшую трудность для понимания и применения имеют уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, которые содержат общий запрет на арест лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений. Согласно ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 – 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171 – 174, 174.1, 176 – 178, 180 – 183, 185 – 185.4, 190 – 199.2 УК РФ (при отсутствии обстоятельств, указанных в п 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Некоторые ученые высказывают сомнения в конституционности этих норм, поскольку они якобы нарушают принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ст. 19 Конституции России². Хотя проверка Конституционным Судом